

Дискурсы примирения и проблемы институционализации примирительных процедур по уголовным делам

Карнозова Л.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0925-910X>, e-mail: karnozova@yandex.ru

Мировая тенденция развития новых подходов в уголовном судопроизводстве, а также складывающаяся в последние два десятилетия отечественная практика восстановительного правосудия задают объективные предпосылки институционализации примирительных процедур по уголовным делам в российском праве. Однако попытки их законодательного закрепления пока не увенчались успехом. В качестве ключевого фактора сопротивления нововведениям автором рассматривается столкновение социокультурных дискурсов. В статье анализируется отличие понимания примирения в концепции восстановительного правосудия от доминирующего правового дискурса о примирении по уголовным делам, а также рассматриваются основные идеи законопроектов, разработанных инициативной рабочей группой Общественного центра «Судебно-правовая реформа» в 2020 и 2021 гг. Показано, что интерпретация характеристик восстановительного правосудия в русле проблематизируемых юридических аксиом противоречит предлагаемым инициативам. Выявление дискурсивных оснований, стоящих за разными позициями, на фоне возрастающего признания роли примирительных процедур является необходимым условием совершенствования понятийной системы, соответствующей задачам современного гуманистического уголовного правосудия.

Ключевые слова: примирение, дискурсы примирения, примирительные процедуры, программы восстановительного правосудия, восстановительная медиация, медиация по урегулированию споров.

Благодарности: автор благодарит С.А. Пашина и О.П. Киселеву за совместную работу над законопроектами о примирении по уголовным делам, а также всех российских специалистов, чья самоотверженная деятельность по продвижению и проведению программ восстановительного правосудия стала основанием правовых разработок и позволила определить направление данного исследования.

Для цитаты: Карнозова Л.М. Дискурсы примирения и проблемы институционализации примирительных процедур по уголовным делам [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 2. С. 239–253. DOI:10.17759/psylaw.2024140217

Reconciliation Discourses and Problems of Institutionalization of Reconciliation Procedures in Criminal Cases

Lyudmila M. Karnozova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0925-910X>, e-mail: karnozova@yandex.ru

The global trend of development of new approaches in criminal proceedings, as well as the emerging domestic practice of restorative justice in the last two decades set objective prerequisites for the institutionalisation of conciliation procedures in criminal cases in Russian law. However, attempts to legislate them have not yet been successful. The author considers the clash of socio-cultural discourses as a key factor of resistance to innovation. The article analyses the difference between the understanding of reconciliation in the concept of restorative justice and the dominant legal discourse on reconciliation in criminal cases, and considers the main ideas of the draft laws developed by the initiative working group of the Public Centre for Judicial and Legal Reform in 2020 and 2021. It is shown that interpreting the characteristics of restorative justice in terms of unproblematised legal axioms contradicts the proposed initiatives. The identification of the discursive grounds behind the different positions, against the background of increasing recognition of the role of reconciliation procedures, is a prerequisite for improving the conceptual system that corresponds to the objectives of modern humanistic criminal justice.

Keywords: reconciliation, reconciliation discourses, reconciliation procedures, restorative justice programs, restorative mediation, dispute resolution mediation.

Acknowledgements: the author thanks S. A. Pashin and O.P. Kiseleva for their joint work on draft laws on reconciliation in criminal cases, as well as all Russian specialists whose dedicated work in promoting and conducting restorative justice programs became the basis of legal developments and allowed us to determine the direction of this research.

For citation: Karnozova L.M. Reconciliation Discourses and Problems of Institutionalization of Reconciliation Procedures in Criminal Cases. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 2, pp. 239–253. DOI:10.17759/psylaw.2024140217 (In Russ.).

Введение

Использование примирительных процедур по уголовным делам — современная мировая тенденция ответа на преступление, посягнувшая на основы уголовно-правового подхода, ориентированного на наказание. Преступление — это несправедливость, но отождествление справедливости с «эквивалентным» ответом в виде наказания преступника — лишь один из выработанных человечеством дискурсов правосудия. Другой дискурс усматривает общую задачу правосудия в создании условий для заглаживания вреда, исцеления нанесенных преступлением ран, для реинтеграции правонарушителей, для ответов на вопрос, как жить дальше всем тем, кого оно затронуло [5; 13]. Такая задача, с древнейших времен решавшаяся в традиционных практиках урегулирования конфликтов, в последние десятилетия вновь обрела актуальность [3; 25]. Это не романтизация прошлого, речь идет об исторических образцах для складывания современных способов ответа на преступление, реализующих ценности

мирного разрешения сложных ситуаций и заботы о будущем. Именно здесь проходит демаркационная линия между доминирующей карательной парадигмой и восстановительным правосудием (далее ВП).

Восстановительный подход в правосудии активно развивается международными институтами [12; 20; 21] и находит место в законодательстве и практике деятельности правоохранительных органов и судов многих стран [6; 28]. Однако на этом пути немало проблем. «В то время как в некоторых странах ВП стоит на прочной основе и играет более заметную роль в процедуре и практике уголовного правосудия, в других юрисдикциях с трудом удается вывести ВП с периферии системы уголовного правосудия» [28, с. 2]. Включение ВП в систему правосудия означает правовую регламентацию, но для этого, как обсуждается в ряде дискуссий, необходима большая определенность самой концепции и ее процедур. Однако здесь таится опасность вновь отдалить человека от правосудия, лишив программы ВП характерной для них гибкости.

Доминирующей формой реализации концепции ВП является встреча жертвы и правонарушителя (потерпевшего и обвиняемого), которую проводит специально подготовленный посредник. В ходе диалога у пострадавшего появляется возможность рассказать о своих переживаниях, у правонарушителя — выслушать и принести извинения, стороны совместно принимают решение о способах заглаживания вреда. В подобных встречах, называемых программами восстановительного правосудия, могут участвовать и другие лица, так или иначе затронутые преступлением [20; 21]. Они ориентированы не только на то, чтобы обсудить прошлое и принять соглашение о заглаживании вреда, но и на будущее: на преодоление враждебности и страха сторон друг перед другом, урегулирование отношений, на обсуждение вопросов о том, что нужно сделать, чтобы подобное не повторилось [7; 16]. Возможность личной встречи в психологически безопасной и поддерживающей атмосфере, рассказывания историй и выражения эмоций позволяет состояться «восстановительным действиям» [22], заглаживание вреда выходит за рамки юридически понимаемой «реституции». Программы осуществляются независимыми службами, которые взаимодействуют с правоохранительными органами и судами (передача случаев на проведение программ на регулярной основе и учет их результатов при принятии официальных решений по делу).

Движение за ВП в России зародилось в конце 90-х гг. XX в. в проектах Общественного центра «Судебно-правовая реформа». Как и в большинстве стран, они начались в сфере правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Опыт получил распространение в ряде регионов благодаря созданной в 2009 г. Всероссийской ассоциации восстановительной медиации. В масштабе российской государственной политики в сфере детства необходимость реализации ВП зафиксирована в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 гг. [26]. Этим документом предусмотрены меры, направленные на создание дружественного к ребенку правосудия (раздел VI), где ВП отведено приоритетное место. Однако законодательного обеспечения эти меры не получили. Подобные программы проводятся в ряде регионов территориальными службами примирения на основании региональных регламентов¹. Но без специального законодательства, легализующего деятельность

¹ На сайте <https://tj-rus.ru> размещены выпуски «Вестников восстановительной юстиции» и множество других публикаций с описанием программ ВП и данными мониторинга деятельности служб примирения. Сейчас восстановительные программы применяются не только по делам о преступлениях, но и в работе с другими правонарушениями несовершеннолетних.

служб примирения, процедуры систематической передачи заявок из системы судопроизводства на проведение программ, формы приобщения достигнутых результатов к материалам уголовного дела и пр., полноценная реализация нового подхода в уголовном правосудии невозможна.

Восстановительное правосудие и примирение

Существуют разные по своему устройству и составу участников программы ВП (восстановительная медиация, семейные групповые конференции, круги сообщества), но доминирующее место в ВП по уголовным делам занимает восстановительная медиация. В фундаментальной книге Ховарда Зера, где представлены как теоретико-методологическая платформа, так и накопившийся к концу 80-х гг. XX в. практический опыт организации встреч жертвы и правонарушителя с помощью нейтрального посредника, такие встречи обозначены термином «программа примирения жертв и преступников» (Victim Offender Reconciliation Program). Наименование указывает на сущностную характеристику восстановительной парадигмы: «...задачей правосудия должно быть продвижение отношений в сторону примирения. Такое оздоровление отношений, хотя бы даже и частичное, — важный шаг на пути к исцелению личности в целом. Правосудие не может гарантировать или навязывать примирение, оно должно лишь предоставить условия для того, чтобы примирение в принципе стало возможным» [5, с. 220]. Впоследствии практика показала, что термин «примирение» вызывает поначалу у сторон отторжение, особенно у жертв. Поэтому, при сохранении ценности примирения, для обозначения таких программ используются термины Victim Offender Mediation, Restorative Conferencing, Restorative Justice Programs, хотя в разных странах с учетом языка национальных правовых систем используется и собственная терминология. «В настоящее время при значительном разнообразии подходов и наименований подобных программ... все они в качестве ведущего элемента примирительной технологии используют посредничество (mediation)» [5, с. 186]. Так что если говорить о соотношении терминов, то «восстановительное» относится к характеристике некарательной парадигмы правосудия, «примирение» — цель и процесс, а инструментом является «посредничество». В российской практике используются термины «программа ВП», «восстановительная медиация между правонарушителем и пострадавшим», «программа по заглаживанию вреда».

В российском уголовном законодательстве, как и во многих странах, есть норма об освобождении от уголовной ответственности и прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон. В Уголовном кодексе РФ 1996 г. впервые в отечественном законодательстве появилась такая норма, действие которой касается дел не только частного, но и публичного обвинения по преступлениям небольшой и средней тяжести. Основанием для освобождения от уголовной ответственности и прекращения дела (ст. 76 УК, 25 УПК РФ) является примирение сторон и заглаживание вреда, так что в законе содержатся важнейшие понятия, относящиеся к восстановительной парадигме. Программы ВП стали включаться в практику как механизм реализации указанных норм. Заглаживание вреда является основанием и для иных юридических последствий независимо от категории преступлений: смягчающее обстоятельство при назначении наказания (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), основание досрочной отмены условного осуждения и снятия судимости (ч. 1 ст. 74 УК РФ) и условно-досрочного освобождения (ч. 1 ст. 79 УК РФ). Как видим, использование программ ВП органично вплетается в систему российского уголовного права и исполнения наказаний и предполагает различные юридические последствия, а потому — в рамках восстановительного дискурса — *не отожд-*

дествляется с прекращением уголовного дела, а, следовательно, не ограничивается категориями преступлений [20; 21], на что обращено внимание в ряде отечественных исследований [см. например: 23]. Как подчеркивается в международных документах, ВП «...порождает принятие самых различных мер, гибкий характер которых позволяет приводить их в соответствие со сложившимися системами уголовного правосудия и которые дополняют такие системы с учетом правовых, социальных и культурных условий» [20, из преамбулы].

Законопроект о примирении по уголовным делам: основные идеи

В 2020 г. рабочей группой Общественного центра «Судебно-правовая реформа» (С.А. Пашин, Л.М. Карнозова, О.П. Киселева) при поддержке Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека разработан законопроект о примирении по уголовным делам². В 2021 г. авторами предложена вторая версия законопроекта, ориентированная на использование примирения по уголовным делам в отношении несовершеннолетних³, но базовые положения, касающиеся примирения в уголовном судопроизводстве, в них идентичны⁴.

Предпосылкой для разработки стала необходимость правового закрепления российской практики ВП по делам в отношении несовершеннолетних и ее распространения на всех обвиняемых (подозреваемых) вне зависимости от возраста. Одновременно законопроект решает задачи устранения несовершенства того, что называется «институтом примирения» в его нынешнем виде, поскольку законодательство оставляет за бортом существенные условия его полноценной реализации:

- примирение берется как «вещь», при этом игнорируется собственно *процесс взаимодействия* между сторонами, т. е. не предусмотрен правовой механизм, обеспечивающий возможность и само осуществление такого взаимодействия;
- «примирение» отождествляется с «прекращением дела за примирением», т. е. с юридическим порядком оформления решения о прекращении дела за примирением;
- право на примирение по делам публичного и частно-публичного обвинения на стадии предварительного расследования сторонам не разъясняется, а на стадии судебного разбирательства разъясняется только потерпевшему (ч. 2 ст. 268 УПК РФ) при полном игнорировании обвиняемого, хотя в ст. 76 УК и 25 УПК речь идет о примирении обвиняемого (подозреваемого) с потерпевшим.

² Пояснительная записка и проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения». URL: http://presidentsovet.ru/members/blogs/post/spch_prorabatyvaet_varianty_rasshireniya_primeneniya_instituta_primireniya_v_ugolovnom_protseesse/

³ Пояснительная записка и проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для совершенствования порядка освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, примирившихся с потерпевшим». URL: https://www.president-sovet.ru/members/blogs/post/o_rabote_nad_proektom_federalnogo_zakona_o_vnesenii_izmeneniy_v_otdelnye_zakonodatelnye_akty_ros_siy/

⁴ Автор текстов законопроектов — федеральный судья в отставке, заслуженный юрист РСФСР, канд. юр. наук С.А. Пашин.

Поскольку «примирение» отождествляется с прекращением уголовного дела, в рамках доминирующего юридического дискурса оно считается недопустимым по категориям преступлений, где такая мера не предусмотрена, что препятствует полноценному применению программ восстановительного правосудия.

Законопроект направлен на решение двух взаимосвязанных задач:

- формирование правового механизма, обеспечивающего возможность *процесса* примирения между обвиняемым и потерпевшим;
- *расширение области* применения института примирения в уголовном процессе.

Решение первой задачи состоит в фокусировке на способах взаимодействия между сторонами: правомерно как самостоятельное примирение, так и примирительные процедуры, которые проводятся специально подготовленным посредником (примирителем). То есть в предлагаемых законопроектах способы примирения не ограничиваются только программами ВП, а предусматривают все не запрещенные законом способы.

Понятие «примирительные процедуры» введено в российскую правовую систему Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Их использование предусмотрено для урегулирования споров, возникающих из гражданских и административных правоотношений (соответствующие изменения внесены в ГПК, АПК и КАС РФ). Список процедур открыт, и предусмотрена возможность их применения в сфере публичного права. Понятийная основа рассматриваемых в настоящей статье законопроектов выстраивается на принципе «доращивания», органического разворачивания тех основ института примирения, которые уже присутствуют в российском праве — как в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, так и в цивилистике. Так что конструкция «примирительные процедуры» вполне уместна для обозначения механизма примирения и по уголовным делам.

Решение второй задачи обеспечивается предоставлением сторонам права примириться независимо от инкриминируемого деяния на любой стадии судопроизводства, а также при исполнении приговора, ведь, согласно УК РФ, юридическое значение результатов процесса примирения — заглаживания вреда — не ограничивается освобождением обвиняемого от уголовной ответственности. Соответствующая норма предлагаемого законопроекта реализует положения международных документов, касающихся медиации по уголовным делам и восстановительного правосудия [21, пп. 6, 18]. Помимо юридического значения примирительный (восстановительный) процесс имеет более широкий спектр целей, смыслов и положительных последствий, как для самих сторон (моральных, социальных, психологических, а для несовершеннолетних — воспитательных), так и для облика правосудия в целом. «Восстановительный процесс» стал важнейшим понятием концепции ВП [20].

Возражения экспертов: «общие места» юридического дискурса

На законопроекты получено много отзывов от ведомств и юридических образовательных и научных учреждений. Поступившие замечания можно разделить на две группы: первая содержит одобрение и конструктивные предложения, вторая — демонстрирует «онтологическую» неприемлемость самой идеи законопроекта. В научной юридической литературе в последние пятнадцать лет появилось довольно много работ о необходимости использования медиации и программ ВП по уголовным делам. Но в данной статье нас будет интересовать вторая группа, поскольку именно ее аргументы оказываются камнем преткновения для продвижения законопроектной работы.

Инновации всегда встречают сопротивление, но это сопротивление не «людей», а институтов и дискурсов. У дискурсов нет авторов, люди являются носителями дискурсов, характерных для сообществ, к которым они принадлежат, в частности профессиональных. За дискурсами стоят картины мира, понятия, практики — инерционные компоненты, охраняющие статус-кво. Позиции, сформулированные в официальных отзывах, распространены и в научных публикациях, это «общие места». И хотя концепция ВП не только существует в качестве теоретической конструкции, но сформировала эффективную практику и нашла отражение в авторитетных международных документах, направленных на формирование правовых условий практической реализации восстановительной парадигмы, ее принципы и положения, безусловно, противостоят устоявшимся представлениям. Но ситуация развития предполагает необходимость выхода «за пределы», деконструкции и формирования новых понятийных систем.

Рассмотрим несколько «общих мест» юридического дискурса о примирении (безотносительно к ведомственной или научной принадлежности носителей), на которых строятся замечания второй группы.

- Примирение возможно только в случаях, по которым законодательством предусмотрено прекращение дел за примирением.
- Возможность примирения независимо от категории совершенного преступления на любой стадии процесса не согласуется с основополагающими принципами уголовного права (неотвратимость наказания, справедливость).
- Уголовно-процессуальные отношения призваны обеспечить публичные интересы, в этой сфере отсутствует частноправовой спор между сторонами, об установлении предлагаемого в законопроектах порядка примирения может идти речь лишь применительно к делам частного обвинения.
- Институт примирения по уголовным делам уже есть в российском законодательстве.

В уголовно-правовом дискурсе «примирение» испокон веков отождествляется с освобождением от уголовной ответственности (прекращением дела): в обычном праве, а дальше и в законодательствах примирение всегда рассматривалось как прекращение вражды, спора, как условие, устраняющее наказуемость, как «исход дела» [3; 15]. В соответствии с этим в законодательстве выделяется особая категория дел, которые возбуждаются не иначе как по воле потерпевшего и за примирением подлежат прекращению, — дела частного обвинения. Как правило, их немного (нынешний УК РФ содержит три таких состава).

Но благодаря ст. 76 УК РФ «примирение с потерпевшим» вышло за рамки дел частного обвинения, распространилось на широкий круг преступлений и прочно связалось с понятием «заглаживание вреда». Эта норма расширила возможности учета потребностей потерпевшего в уголовном процессе, хотя позиция последнего относительно ненаказуемости обвиняемого не является, в отличие от дел частного обвинения, обязательной для принятия официального решения о прекращении дела. Это право суда и официальных лиц органов предварительного расследования. Расширение использования института примирения сохранила в юридическом мышлении исходное отождествление примирения с освобождением обвиняемого от уголовной ответственности, о чем мы говорили выше. Отсюда проистекает широко распространенное возражение против использования процедур медиации (примирения) по серьезным преступлениям. Даже сторонники института медиации по уголовным делам указывают на необходимость «...отсесть саму формальную возможность проводить медиацию по уголовным делам по тяжким и особо тяжким преступлениям» [2, с. 94].

Теперь относительно справедливости, понимаемой как провозглашенный в последней трети XVIII в. Беккариа принцип неотвратимости наказания (хотя смысл этого принципа в те времена заключался в другом: «не жестокость, а неотвратимость наказания»). Состоит ли публичный интерес только в наказании лица, совершившего преступление, является в современном праве весьма дискуссионным вопросом. Во всяком случае использование альтернатив уголовному преследованию и наказанию по делам публичного обвинения ясно демонстрирует размывание былых аксиом [1; 8; 9; 19]. А правообразность расширения области применения примирительных процедур, в частности программ ВП, и *несводимость их результатов к прекращению дела* поддерживалась рядом отечественных правоведов еще в начале 2000-х гг. Так, на конференции «Правовое обеспечение практики восстановительного правосудия. Мировые тенденции и перспективы в России» (ИГП РАН, Центр «Судебно-правовая реформа», 2003 г.) профессор С.Г. Келина, член рабочей группы по созданию постсоветского Уголовного кодекса РФ, сформулировала: «Восстановительное правосудие не сводится только к прекращению уголовного дела, оно должно распространяться и на вынесение приговора, и на период отбытия наказания, так что проблематика восстановительного правосудия гораздо шире, чем вопрос о прекращении уголовного дела в досудебных стадиях» [11, с. 18]. И она же: «В теории уголовного права уже утвердился тезис, что должна быть неотвратимость, но неотвратимость чего? Ответственности. Неотвратимость ответственности, которая вовсе не означает, что будет обязательно назначено наказание» [11, с. 19]. Эта дискуссия была более 20 лет назад.

Еще одно суждение, встречающееся в замечаниях на законопроект: в России *уже есть* институт примирения. Выше мы показали, что даже в рамках заложенных в законодательстве представлений о примирении отсутствуют правовые условия, обеспечивающие организацию процесса примирения. В подобных замечаниях экспертов опять демонстрируется игнорирование понимания примирения как диалога между сторонами, для организации которого нужны соответствующие правовые условия.

«Восстановительная медиация» и «медиация по урегулированию споров»

Закон о медиации («Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ) привел к появлению еще ряда «общих мест». Действие этого Закона не распространяется на уголовные дела, хотя такая возможность в течение многих лет обсуждается во множестве отечественных публикаций и диссертационных исследований. В законодательстве ряда стран СНГ (близких к России по исходному правовому фундаменту) содержится возможность применения медиации по уголовным делам. Дискурс медиации привлек, наконец, внимание к пониманию примирения как процесса взаимодействия между сторонами и необходимости специальной процедуры за пределами процессуальной регламентации того или иного вида судопроизводства. Одновременно юридический дискурс о медиации приравнял ее к «примирению из закона», т. е. ограничил область ее применения по уголовным делам критерием возможности освобождения обвиняемого от уголовной ответственности [см., например: 18].

Второе следствие юридизации медиации — ее определение как способа урегулирования споров. Адекватна ли подобная трактовка, взятая из сферы альтернативного разрешения споров (АРС), специфике медиации по уголовным делам? В уголовных делах отсутствуют правоотношения между обвиняемым и потерпевшим; спор о виновности, лежащий в ядре уголовного процесса, сторонами которого являются государство и обвиняемый, не подлежит

урегулированию в медиации между потерпевшим и обвиняемым. Предметом обсуждения на медиации между обвиняемым и потерпевшим является не спор, а последствия преступления и заглаживание вреда потерпевшему, решение других вопросов, возникших в связи с преступлением, а также касающихся предупреждения подобных явлений в будущем. Согласно международным стандартам необходимым условием участия правонарушителя и жертвы в программах восстановительного правосудия является признание ими основных обстоятельств дела. Стороны не «равны», имеется «моральный дисбаланс» между сторонами, обязанности по заглаживанию вреда возлагаются на правонарушителя. Притом что программы ВП основаны на медиативном методе, восстановительная медиация между правонарушителем и жертвой (обвиняемым и потерпевшим) и медиация по урегулированию споров между равными субъектами имеют принципиальные отличия [4]. Тем самым мы отвечаем на замечание о невозможности медиации (либо «предлагаемого порядка примирения») между обвиняемым и потерпевшим «поскольку здесь отсутствует частноправовой спор между сторонами» — за такими суждениями усматривается понятный дискурс о медиации как «процедуре урегулирования споров». Но по уголовным делам предлагается не «урегулирование спора», а *другая медиация* — восстановительная.

Сравним два представления о примирительных процедурах (медиации).

Медиация по урегулированию споров (АРС): «...примирительные процедуры — это правомерные способы консенсуального урегулирования субъектами права возникших между ними споров на взаимоприемлемых условиях в соответствии с их интересами... Как процедура, медиация является частным случаем примирительных процедур по урегулированию споров в суде» [17, с. 131].

Восстановительная медиация: «Многие правонарушители попадают на медиацию на стадии угрызания совести. На этой стадии у медиаторов определенные обязанности. Пострадавший сочтет приводимые правонарушителем оправдания в свой адрес попыткой с его стороны уйти от ответственности за преступление. Если жертва примет торопливо высказанные извинения, не высказав правонарушителю всю свою боль, правонарушитель не пройдет процесс исцеления до конца и, скорее всего, вновь пойдет на преступление. Ради блага жертвы и правонарушителя медиатор должен помочь пострадавшему рассказать о своих переживаниях, а правонарушителю — выслушать рассказ пострадавшего...» [24].

Как видим, речь идет о разных процессах, разных задачах медиатора, разных медиациях.

В частном случае примирительные процедуры по уголовным делам могут касаться и споров (например о сумме причиненного ущерба), поэтому в нашем законопроекте предлагается более общее понятие «примирительные процедуры», предусматривающее различные варианты не запрещенных законом примирительных процедур, а не только программы ВП.

Дискурс урегулирования споров между равными субъектами обращает взор юристов к цивилистическому понятию «реституции», восстановления нарушенных прав «путем восстановления положения, существовавшего до нарушения права». Отсюда неправомерный перенос на восстановительное правосудие: «Речь идет о нерепрессивном преодолении вредных последствий преступного деяния и стремлении восстановления (полностью или частично) состояния “до преступления”» [1, с. 11]. Подобную юридическую формулу гражданского права проблематично применить к смыслу встречи правонарушителя и жертвы. В восстановительном правосудии не ставится задача вернуться к тому, что было «до». Напротив, «...движение в новом направлении может оказаться гораздо более эффективным в достижении справедливости, нежели возврат к прежним ситуациям» [5, с. 222].

В языке медиации по уголовным делам можно встретить «урегулирование конфликта», а не «спора». Но здесь важнее другое: различие медиации, направленной «на результат» (урегулирование спора/конфликта), и медиации, направленной на «процесс» (диалог), характерной для программ ВП [10; 14; 16; 27].

Итак, в обсуждениях примирительных процедур по уголовным делам мы видим смешение или отождествление понятий «примирение», «медиация», «восстановительное правосудие», «освобождение от уголовной ответственности», «прекращение дела». Используемое в законопроекте понятие «примирительные процедуры» позволит избежать нынешней путаницы и легализовать различные варианты правомерного посредничества по уголовным делам.

А что говорят сами участники программ ВП? В рамках мониторинга деятельности территориальных служб примирения, который осуществляется Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации, проводится анкетирование участников восстановительных программ. Задача обратной связи состоит не только в оценке, но и в выявлении «языка» ВП словами самих участников, тех смыслов программ ВП, которые оказались для них значимыми.

Ответы дифференцируются по категориям участников: несовершеннолетние правонарушители, пострадавшие несовершеннолетние, пострадавшие взрослые, родители правонарушителей, родители несовершеннолетних пострадавших, иные участники. Представим некоторые из них. Опрошенные обращают внимание не только на достигнутый результат встреч, но и на особенности процесса. Многие отмечали: «дают высказаться», «меня слушали», «удалось высказать свои переживания», «услышать друг друга», «понять друг друга», «взглянуть на ситуацию по-другому», «совершенно меняются взгляды на то, что произошло», «доброжелательное отношение специалистов, комфортная атмосфера» и т. п. О результатах: «программа помогает услышать и понять противоположную сторону и выйти из конфликта без злобы в душе». Правонарушители отмечали: «легче стало жить, не боюсь смотреть в глаза людям», «возможность самому извиниться». Несовершеннолетние потерпевшие: «я понял, что (обидчик) против меня ничего не имеет и могу не бояться», «услышать извинения». Взрослые потерпевшие: «прошла злость к обвиняемому». Родители несовершеннолетнего потерпевшего: «моему ребенку это тоже было необходимо пройти». Потерпевшие отмечают и «возмещение ущерба», но подобный ответ встречается реже в сравнении с другими, что подтверждает несводимость заглаживания вреда к возмещению ущерба.

Участники обращают внимание и на общий смысл программ ВП: «примирение нужно, для того чтобы ни у кого не осталось обид», «чтобы вновь не было подобных ситуаций, программа дает людям понять свои ошибки», «это нужно для того, чтобы все высказать, понять и примириться» и пр. [10, с. 193—197].

Таков «дискурс примирения» людей, которые участвуют в восстановительных процессах.

Заключение

Обсуждаемый институт примирения не претендует на то, чтобы заместить собой уголовное правосудие, он формируется в рамках права. Он важен и для людей, и для правовой системы. Мы живем в полидискурсивном мире и обладаем культурными способностями к пониманию и развитию. Задачи развития вынуждают нас выходить за границы привычных представлений, выстраивать диалог и конструировать адекватную понятийную систему. Тенденции развития ВП, его имплементации в национальные правовые системы, а также использования восстановительных программ в рамках действующего законодательства за счет определенной его интерпретации судами указывают на эволюцию понятия примирения в

праве. В правосудии появляется место для выхода обвиняемого и потерпевшего за границы процессуальных ролей в пространство человеческих отношений. Это не отрицает уголовно-правовой квалификации деяния, но предлагает более разнообразные, значимые для людей, а потому и эффективные способы реагирования на преступления. Но вопросы институционального закрепления восстановительного подхода в сфере публичного права безусловно требуют принятия соответствующих законодательных решений. Задача формирования адекватного понятийного аппарата чрезвычайно актуальна. Ее решение предполагает раскрытие стоящих за разными позициями содержательных оснований и усилия для конструктивного диалога.

Литература

1. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию: европейская практика и российский уголовно-процессуальный контекст // Вестник восстановительной юстиции. 2003. № 5. С. 10–14.
2. Дубровин В.В. От примирения сторон к медиации в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста: Научный журнал. 2011. № 1. С. 90–95.
3. Ефремова Н.Н. Этапы развития примирительного правосудия в отечественной истории // Вестник восстановительной юстиции. 2023. № 17. С. 23–27.
4. Зер Х. Восстановительное правосудие, медиация и альтернативное разрешение споров // Вестник восстановительной юстиции. 2015. № 12. С. 10–11.
5. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 328 с.
6. Зудов Ю.В. Медиация по уголовным делам и перспективы ее развития в России [Электронный ресурс] // Мониторинг правоприменения. 2016. № 4 (21). С. 52–58. doi:10.21681/2226-0692-2016-4-52-58
7. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М.: Проспект, 2014. 264 с.
8. Карнозова Л.М. Место примирения и посредничества в доктрине уголовного правосудия (Экспертный семинар, проведенный сектором проблем правосудия Института государства и права РАН совместно с Общественным центром «Судебно-правовая реформа») // Государство и право. 2006. № 9. С. 115–122.
9. Карнозова Л.М. Место примирения и посредничества в доктрине уголовного правосудия (Экспертный семинар, проведенный сектором проблем правосудия Института государства и права РАН совместно с Общественным центром «Судебно-правовая реформа») (окончание) // Государство и право. 2006. № 10. С. 113–119.
10. Карнозова Л.М. Мониторинг деятельности территориальных служб примирения за 2017, проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. 2018. № 15. С. 145–201.
11. Келина С.Г. Восстановительное правосудие: уголовно-правовой аспект // Вестник восстановительной юстиции. 2003. № 5. С. 18–20.
12. Киселева О.П. Соотношение принципов восстановительного правосудия и стандартов справедливого судебного разбирательства в уголовном процессе [Электронный ресурс] // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4 (137). С. 134–146. doi:10.21128/1812-7126-2020-4-134-146

13. *Кристи Н.* Конфликты как собственность [Электронный ресурс] // Судебно-Правовая Реформа. Общественный центр. URL: <https://rj-rus.ru/wp-content/uploads/2012/08/Нильс-Кристи.-Конфликты-как-собственность.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).
14. *Льюис Т., Умбрейт М.* Гуманистический подход к медиации // Медиация и право. 2017. № 2-4 (44). С. 50–63.
15. *Лыкошин А.С.* Примирение обвиняемого с обиженным // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XXV. 1898. С. 2010–211.
16. *Максудов Р.Р.* Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций: от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. 256 с.
17. Медиация: Учебник / Под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осинковского. СПб: Редакция журнала «Третейский суд»; М.: СТАТУТ, 2016. 470 с.
18. *Мицкая Е.В.* Медиация в уголовном процессе Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Том 18. № 3. С. 103–121. doi:10.17506/ryip1.2016.18.3.103121
19. *Морщакова Т.Г.* Правовое государство и стандарты восстановительного (примирительного) правосудия [Электронный ресурс] // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4 (137). С. 131–133. doi:10.21128/1812-7126-2020-4-131-133
20. Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия (резолюция 2002/12 Экономического и Социального Совета от 24 июля 2002 года, приложение) [Электронный ресурс] // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк: Организация объединенных наций, 2016. С. 106–110. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/R_ebook.pdf (дата обращения: 10.04.2024).
21. Рекомендация CM/Rec(2018)8 Комитета Министров государствам-членам Совета Европы, посвященная восстановительному правосудию по уголовным делам (принята Комитетом Министров 3 октября 2018 г. на 1326 встрече представителей Комитета) [Электронный ресурс] // Судебно-Правовая Реформа. Общественный центр. URL: <https://rj-rus.ru/wp-content/uploads/2021/02/Рекомендация-о-ВП-по-уголовным-делам-1.pdf?ckid=b720069c> (дата обращения: 10.04.2024).
22. *Рецинджер С.М., Шефф Т.Дж.* Стратегия для общинных конференций: эмоции и социальные связи // Вестник восстановительной юстиции. 2001. № 3. С. 71–87.
23. *Сенина Е.Н.* Медиативно-восстановительный подход в российском уголовном праве: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2022. 24 с.
24. *Стутсман-Амстутс Л., Зер Х.* Конференция жертвы и правонарушителя. В системе ювенальной юстиции Пенсильвании [Электронный ресурс] // Судебно-Правовая Реформа. Общественный центр. URL: <https://rj-rus.ru/wp-content/uploads/2012/08/Лорейн-Стутсман-Амстутс-Ховард-Зер.-Конференция-жертвы-и-правонарушителя.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).
25. Традиционные практики урегулирования конфликтов: Материалы ежегодного семинара 2010–2014 гг., Москва, 01 января 2010 года — 31 декабря 2014 года / Общественный центр «Судебно-правовая реформа». М.: Межрегиональная общественная организация «Общественный центр «Судебно-правовая реформа», 2014. 254 с.

26. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70083566/> (дата обращения: 10.04.2024).
27. Умбрайт М. Гуманистический подход к посредничеству в разрешении конфликтов: путь преобразования, путь миротворчества // Вестник восстановительной юстиции. 2001. № 3. С. 88–97.
28. Restorative Justice and Mediation in Penal Matters. A stock-taking of legal issues, implementation strategies and outcomes in 36 European countries. Vol. 1 / Dünkel F., Grzywa-Holten J., Horsfield Ph. (Eds.). Forum Verlag Godesberg, 2015.

References

1. Golovko L.V. Al'ternativy ugovnomu presledovaniyu: evropeiskaya praktika i rossiiskii ugovno-protsessual'nyi kontekst. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii = Restorative Justice Herald*, 2003, no. 5, pp. 10–14. (In Russ.).
2. Dubrovin V.V. Ot primireniya storon k mediatsii v ugovnom sudoproizvodstve Rossii [From Reconciliation of Parties to Mediation in Criminal Legal Proceedings in Russia]. *Biblioteka kriminalista: Nauchnyi zhurnal = Criminalist's Library. Scientific Journal*, 2011, no. 1, pp. 90–95. (In Russ.).
3. Efremova N.N. Etapy razvitiya primiretel'nogo pravosudiya v otechestvennoi istorii. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii = Restorative Justice Herald*, 2023, no. 17, pp. 23–27. (In Russ.).
4. Zehr H. Vosstanovitel'noe pravosudie: novyi vzglyad na prestuplenie i nakazanie [Changing Lenses. A New Focus for Crime and Justice]. Moscow: MOO Tsentr “Sudebno-pravovaya reforma” Publ., 2002. 328 p. (In Russ.).
5. Zehr H. Vosstanovitel'noe pravosudie, mediatsiya i al'ternativnoe razreshenie sporov [Restorative justice, mediation and ADR]. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii = Restorative Justice Herald*, 2015, no. 12, pp. 10–11. (In Russ.).
6. Zudov Yu.V. Mediatsiya po ugovnym delam i perspektivy ee razvitiya v Rossii [Mediation in criminal cases and prospects for its development in Russia] [Elektronnyi resurs]. *Monitoring pravoprimeneniya = Monitoring of Law Enforcement*, 2016, no. 4 (21), pp. 52–58. doi:10.21681/2226-0692-2016-4-52-58 (In Russ.).
7. Karnozova L.M. Vvedenie v vosstanovitel'noe pravosudie (mediatsiya v otvet na prestuplenie). Moscow: Prospekt, 2014. 264 p. (In Russ.).
8. Karnozova L.M. Mesto primireniya i posrednichestva v doktrine ugovnogo pravosudiya (Ekspertnyi seminar, provedennyi sektorom problem pravosudiya Instituta gosudarstva i prava RAN sovместno s Obschestvennym tsentrom “Sudebno-pravovaya reforma”) [The place of reconciliation and mediation in the doctrine of criminal justice (expert seminar, held by the sector of problems of justice of the institute of state and law of the Russian Academy of Sciences together with Social Center “Judicial and Legal Reform”)]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2006, no. 9, pp. 115–122. (In Russ.).
9. Karnozova L.M. Mesto primireniya i posrednichestva v doktrine ugovnogo pravosudiya (Ekspertnyi seminar, provedennyi sektorom problem pravosudiya Instituta gosudarstva i prava RAN sovместno s Obschestvennym tsentrom “Sudebno-pravovaya reforma”) (okonchanie) [The place of reconciliation and mediation in the doctrine of criminal justice (expert seminar, held by the sector of problems of justice of the institute of state and law of the Russian Academy of Sciences together

- with Social Center “Judicial and Legal Reform”) (the end)]. *Gosudarstvo i parvo = State and Law*, 2006, no. 10, pp. 113–119. (In Russ.).
10. Karnozova L.M. Monitoring deyatelnosti territorialnykh sluzhb primireniya za 2017, provedennyi v ramkakh Vserossiiskoi assotsiatsii vosstanovitel'noi mediatsii. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii = Restorative Justice Herald*, 2018, no. 15, pp. 145–201. (In Russ.).
11. Kelina S.G. Vosstanovitel'noe pravosudie: ugovorno-pravovoi aspekt. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii = Restorative Justice Herald*, 2003, no. 5, pp. 18–20. (In Russ.).
12. Kiseleva O.P. Sootnoshenie printsipov vosstanovitel'nogo pravosudiya i standartov spravedlivogo sudebnogo razbiratel'stva v ugovornom protsesse [Correlation of restorative justice principles and fair trial standards in criminal procedure] [Elektronnyi resurs]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2020, no. 4 (137), pp. 134–146. doi:10.21128/1812-7126-2020-4-134-146 (In Russ.).
13. Kristi N. Konflikty kak sobstvennost' [Elektronnyi resurs]. *Sudebno-Pravovaya Reforma. Obshchestvennyi tsentr*. URL: <https://rj-rus.ru/wp-content/uploads/2012/08/Нильс-Кристи.-Конфликты-как-собственность.pdf> (Accessed 10.04.2024). (In Russ.).
14. Lewis T., Umbreit M. Gumanisticheskii podkhod k mediatsii [A Humanistic Approach to Mediation and Dialogue: An Evolving Transformative Practice]. *Mediatsiya i parvo = Mediatsiya i parvo*, 2017, no. 2-4 (44), pp. 50–63. (In Russ.).
15. Lykoshin A.S. Primirenie obvinyaemogo s obizhennym. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*. Tom XXV. 1898, pp. 210–211. (In Russ.).
16. Maksudov R.R. Programmy vosstanovitel'nogo razresheniya konfliktov i kriminalnykh situatsii: ot unikalnykh epizodov k zazhivleniyu sotsial'noi tkani. Moscow: MOO Tsentr “Sudebno-pravovaya reforma” Publ., 2012. 256 p. (In Russ.).
17. Karpenko A.D., Osinovsky A.D. (Eds.). *Mediatsiya: Uchebnik*. Saint Petersburg: Redaktsiya zhurnala “Treteiskii sud”; Moscow: STATUT, 2016. 470 p. (In Russ.).
18. Mitskaya E.V. Mediatsiya v ugovornom protsesse Respubliki Kazakhstan [Mediation in criminal procedure in Republic of Kazakhstan] [Elektronnyi resurs]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk = Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2018. Vol. 18, no. 3, pp. 103–121. doi:10.17506/ryipl.2016.18.3.103121 (In Russ.).
19. Morshchakova T.G. Pravovoe gosudarstvo i standarty vosstanovitel'nogo (primiritel'nogo) pravosudiya [The rule of law and standards of restorative (conciliatory) justice] [Elektronnyi resurs]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2020, no. 4 (137), pp. 131–133. doi:10.21128/1812-7126-2020-4-131-133 (In Russ.).
20. Osnovnye printsipy primeneniya programm restitutsionnogo pravosudiya v voprosakh ugovornogo pravosudiya (rezolyutsiya 2002/12 Ekonomicheskogo i Sotsial'nogo Soveta ot 24 iyulya 2002 goda, prilozhenie) [Elektronnyi resurs]. *Sbornik standartov i norm Organizatsii Ob'edinennykh Natsii v oblasti preduprezhdeniya prestupnosti i ugovornogo pravosudiya*. New York: United Nations, 2016, pp. 106–110. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/R_ebook.pdf (Accessed 10.04.2024). (In Russ.).
21. Rekomendatsiya CM/Rec(2018)8 Komiteta Ministrov gosudarstvam-chlenam Soveta Evropy, posvyashchennaya vosstanovitel'nomu pravosudiyu po ugovornym delam (prinyata Komitetom Ministrov 3 oktyabrya 2018 g. na 1326 vstreche predstavitelei Komiteta) [Elektronnyi resurs]. *Sudebno-Pravovaya Reforma. Obshchestvennyi tsentr*. URL: [https://rj-rus.ru/wp-content/uploads/2018/08/CM-Rec\(2018\)8-Rus.pdf](https://rj-rus.ru/wp-content/uploads/2018/08/CM-Rec(2018)8-Rus.pdf) (Accessed 10.04.2024). (In Russ.).

content/uploads/2021/02/Рекомендация-о-ВП-по-уголовным-делам-1.pdf?clckid=b720069c (Accessed 10.04.2024).

22. Retzinger S.M., Scheff T.J. Strategiya dlya obshchinnnykh konferentsii: emotsii i sotsial'nye svyazi [Strategy for Community Conferences: Emotions and Social Bonds]. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii = Restorative Justice Herald*, 2001, no. 3, pp. 71–87. (In Russ.).

23. Senina E.N. Mediativno-vosstanovitel'nyi podkhod v rossiiskom ugolovnom prave: Avtoref. diss. kand. jur. nauk. Moscow, 2022. 24 p. (In Russ.).

24. Stutzman Amstutz L., Zehr H. Konferentsiya zhertvy i pravonarushitelya. V sisteme yuvenal'noi yustitsii Pensil'vanii [Elektronnyi resurs]. *Sudebno-Pravovaya Reforma. Obshchestvennyi tsentr*. URL: <https://rj-rus.ru/wp-content/uploads/2012/08/Лорейн-Стутсман-Амстутс-Ховард-Зер.-Конференция-жертвы-и-правонарушителя.pdf> (Accessed 10.04.2024). (In Russ.).

25. Traditsionnye praktiki uregulirovaniya konfliktov: Materialy ezhegodnogo seminara 2010–2014 gg., Moskva, 01 yanvarya 2010 goda — 31 dekabrya 2014 goda / Obshchestvennyi tsentr “Sudebno-pravovaya reforma”. Moscow: Mezhtseleobshchestvennaya organizatsiya “Obshche-stvennyi tsentr “Sudebno-pravovaya reforma”, 2014. 254 p. (In Russ.).

26. Ukaz Prezidenta RF ot 1 iyunya 2012 g. No. 761 “O Natsional'noi strategii deistvii v interesakh detei na 2012 - 2017 gody” [Elektronnyi resurs]. *Garant.ru*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70083566/> (Accessed 10.04.2024).

27. Umbreit M.S. Gumanisticheskii podkhod k posrednichestvu v razreshenii konfliktov: put' preobrazheniya, put' mirotvorchestva [Humanistic Mediation: a Transformative Journey of Peacemaking]. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii = Restorative Justice Herald*, 2001, no. 3, pp. 88–97. (In Russ.).

28. Dünkel F., Grzywa-Holten J., Horsfield Ph. (Eds.). Restorative Justice and Mediation in Penal Matters. A stock-taking of legal issues, implementation strategies and outcomes in 36 European countries. Vol. 1. Forum Verlag Godesberg, 2015.

Информация об авторах

Карнозова Людмила Михайловна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0925-910X>, e-mail: karnozova@yandex.ru

Information about the authors

Ludmila M. Karnozova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0925-910X>, e-mail: karnozova@yandex.ru

Получена 10.04.2024
Принята в печать 10.05.2024

Received 10.04.2024
Accepted 10.05.2024